

Не будем отрицать, что в данном случае возникает риск некоторого дилетантизма, однако удовлетворенность и мнение народа – главный показатель эффективности любой государственной деятельности.

Тем более, что в примерах дилетантизма даже и на законодательном уровне уже и сегодня недостатка нет (последний яркий пример законодательные новеллы в виде ч. 4.1 ст. 164 и ст. 164.1 УПК).

4. Укрепление процессуальной формы за счет восстановления гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу (на необходимость ограничить согласительные процедуры в уголовном процессе обратило внимание даже высшее политическое руководство страны) влечет риск некоторой забюрократизированности уголовного судопроизводства. Однако на фоне несправедливости (мнимой – в глазах народа или реальной) этот риск не достигает критичного уровня.

С учетом изложенного, необходимо строить отечественный уголовный процесс на рисках ограничения прав человека в пользу публичности, рамочности уголовно-процессуального регулирования, ошибок толкования, субъективизма, народного понимания справедливости, бюрократизации. По сравнению с другими, данные риски вполне контролируемы и нейтрализуемы.

Пупышева Любовь Андреевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ОСУЖДЕННОГО ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Действующим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено применение меры пресечения в виде заключения под стражу при производстве по уголовному делу (гл. 13 УПК РФ), а также в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (гл. 47 УПК РФ)¹.

---

¹ Поскольку существующими формами официальной статистической отчетности учитываются только случаи рассмотрения представлений о заключении под стражу осужденного к лишению свободы, уклоняющегося от прибытия в колонию-поселение для отбывания наказания (п. 18.1 ст. 397 УПК РФ), представить реальную картину распространенности судебной практики заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, весьма затруднительно. При этом, результаты изучения судебной практики позволяют сделать вывод о применении п. 18 ст. 397 УПК РФ в деятельности соответствующих государственных органов большинства субъектов РФ.

Реализация законоположений о заключении под стражу осужденного (при условии, что, в целом, судьи правильно понимают ее специфику) затруднена, вызывает проблемы, которые неодинаково разрешаются в судебной практике. На наш взгляд, это объясняется, прежде всего, тем, что место данной меры пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения четко не определено. Отметим, что распространенным является подход, отождествляющий ее арестом обвиняемых (подозреваемых), установленным ст. 108 УПК РФ. Полагаем, что предпосылками к подобному выводу являются, во-первых, использование законодателем одинакового обозначения («заключение под стражу»), во-вторых, схожее содержание анализируемых мер (состоят во временной изоляции лица от общества с помещением в следственный изолятор), в-третьих, их регулирование уголовно-процессуальным законодательством.

Однако, при более детальном исследовании оснований, условий и порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу осужденного при исполнении приговора (п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ), становится очевидным, что она является самостоятельной мерой процессуального принуждения¹, ориентированной на особое уголовно-процессуальное производство, предусмотренное гл. 47 УПК РФ. В этой связи распространять на нее положения гл. 13 УПК РФ неправильно.

Правовое регулирование заключения под стражу при исполнении приговора сложно назвать эффективным. Так, например, закон не содержит правил определения подсудности представлений о заключении под стражу осужденного, а также требований к их содержанию, не устанавливает сроки их рассмотрения, виды принимаемых решений и особенности их проверки в апелляционном порядке, не регламентирует порядок судебного заседания, круг участников и их процессуальное положение.

Эти и многие другие вопросы, которые, безусловно, востребованы правоприменительной практикой, не разъясняются и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». В таких условиях суды вынуждены применять закон по аналогии и самостоятельно (чаще всего положительно) решать вопрос о том,

---

¹ Стоит сказать, что уголовно-процессуальной науке имеются комплексные монографические исследования, посвященные особенностям заключения под стражу при исполнении приговора. См., например, Николук В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: монография. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. – 236 с.

распространяются ли нормы ст. 108 УПК РФ на производство, предусмотренное гл. 47 УПК РФ.

В этой связи приходится констатировать, что ввиду имеющейся правовой неопределенности судьи руководствуются отдельными законоположениями ст. 108 УПК РФ, прямо ссылаются на них в постановлениях о заключении под стражу осужденного. Например, судьи нередко ориентируются на 8-часовой срок рассмотрения соответствующих представлений с момента его поступления в суд¹; исходят из того, что мировой судья по делу, по которому он постановил приговор, не уполномочен законом рассматривать представления о заключении под стражу осужденного, устанавливая 3-х суточный срок апелляционного обжалования таких постановлений.

Определение места заключения под стражу осужденного при исполнении приговора в системе мер процессуального принуждения и его надлежащее нормативное регулирование имеют принципиальное значение с позиций правовых последствий применения закона в этой части по аналогии. Так, распространенная практика подмены правил гл. 47 УПК РФ предписаниями ст. 108 УПК РФ, приводит к вынесению решений, не соответствующих ст. 7 УПК РФ, существенному ухудшению положения осужденного, вследствие ограничения возможности апелляционного обжалования им судебного постановления в срок, установленный ст. 389.4, ст. 400 УПК РФ.

Необходимо отметить, что в УПК РФ отсутствуют положения, которые позволяли бы распространить порядок и сроки рассмотрения ходатайства следователя (дознателя) о заключении под стражу обвиняемого (подозреваемого) на случаи рассмотрения представлений о заключении под стражу осужденного при исполнении приговора. Это препятствует использованию процедуры, прописанной в ст. 108 УПК РФ, при практическом применении пункта 18 ст. 397 УПК РФ. Поэтому при производстве по таким делам не действует правило о рассмотрении постановления о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу единолично судьей районного суда, установленное ч. 4 ст. 108 УПК РФ. В этой связи надлежит указать на отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве запрета мировому судье решать вопрос, предусмотренный п. 18 ст. 397 УПК РФ (о заключении под стражу осужденного до рассмотрения представления о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания).

Другое отличие самостоятельных видов заключения под стражу состоит в следующем. В ч. 1 ст. 108 УПК РФ установлено условие

---

¹ По смыслу закона вопросы, изложенные в п. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ, требуют безотлагательного (в пределах 48 часов, в течение которых осужденный может быть задержан) решения, суды должны рассматривать поступившие представления незамедлительно.

избрания данной меры пресечения – подозрение или обвинение лица в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Пункты 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ (как и в другие нормы, относящиеся к заключению под стражу осужденного при исполнении приговора) подобных ограничений не устанавливают – осужденный может быть заключен под стражу в случае, если он скрывается в целях уклонения от отбывания наказания, не предусматривающего изоляцию от общества (штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы).

При рассмотрении представлений, внесенных в суд в соответствии с п. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, надлежит исходить из того, что в этих случаях избрание иных мер принуждения и продление срока задержания осужденного на срок до 72 часов по аналогии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ законом не предусмотрено.

Таким образом, заключение под стражу осужденного (п. 18 и п. 18.1 ст. 397 УПК РФ) является самостоятельной мерой принуждения, специально применяемой в особом уголовно-процессуальном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, правовое регулирование которой не осуществляется положениями гл. 13 УПК РФ «Меры пресечения». Ее автономность по отношению к мере, установленной ст. 108 УПК РФ, проявляется в собственных (отличительных) целях, основаниях, порядке избрания и применения.

Так, заключение под стражу при исполнении приговора избирается в отношении осужденных, которые скрываются в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных, исправительных либо принудительных работ, ограничения свободы, а также в отношении иных категорий осужденных, прямо предусмотренных в п. 18 и п. 18.1 ст. 397 УПК РФ.

Данная мера пресечения избирается судом на основании представления, поданного органом внутренних дел либо учреждением, исполняющим наказание, в целях пресечения уклонения осужденного от исполнения приговора и обеспечения его явки в судебное заседание для рассмотрения дел о замене наказания. Срок заключения под стражу при исполнении приговора не может превышать 30 суток и ограничен возможным (в случае замены) сроком лишения свободы. Судебные постановления о заключении под стражу, принятые по правилам гл. 47 УПК РФ, обжалуются в порядке, предусмотренном гл. 45.1 УПК РФ.